

Чэнь Гун пристально посмотрел на Янь Уши и спросил:

— У главы Янь есть способ?

— Ты должен был заметить во время сражения с обезьянами, что их когти не только острые, но и ядовитые. Из-за этого, как только они оставляют царапину на теле, порез сразу же набухает и начинает зудеть.

Он говорил в умеренном темпе. По-видимому, его совершенно не волновало, что Чэнь Гун был отравлен. В его голосе была даже какая-то беззаботность, как будто это дело не имело к нему никакого отношения.

— Такие острые когти, как у них, нужно часто точить. Поскольку в этом месте нет большого выбора камней, халцедоны, охраняемые этими обезьянами, естественно, стали их единственным выбором. Время от времени они полируют и точат об него свои когти, но не отравляются им. Видимо потому, что в пределах пятисот метров от любого высокотоксичного вещества должно существовать что-то, что противостоит ему, точно так же, как пауки и обезьяны в этих древних руинах.

Мужун Цинь сразу понял на что тот намекает.

— Глава секты Янь имеет в виду, что есть противоядие от яда, которым отравлен мой господин?

Догадка внезапно промелькнула в голове Чэнь Гуна. Он крикнул:

— Нефритовое цистанхе! Это нефритовое цистанхе?! Поторопись, пойдй посмотри, нет ли там поблизости нефритового цистанхе!

Мужун Цинь и остальные быстро подбежали к краю обрыва. Они огляделись и, конечно же, обнаружили то, что искали.

— Господин! Там действительно есть нефритовые цистанхе! - радостно крикнул Мужун Цинь.

Шэнь Цяо не мог не взглянуть на Янь Уши: он стоял, засунув обе руки в рукава, его тело было наполовину скрыто в тени — он явно не собирался отвечать.

Чэнь Гун пришёл в восторг.

— Принеси его сюда!

Мужун Цинь и его племянник отрезали все цистанхе, которые увидели, и принесли их обратно. Даже не взглянув, Чэнь Гун проглотил всё разом.

Однако чуда не случилось. Прошло минут пятнадцать, а его правая рука всё ещё невыносимо чесалась. Пурпурный цвет начал постепенно темнеть и распространяться вверх, он уже достигал его плеча.

Лицо Чэнь Гуна было таким бледным, что оно было почти того же цвета, что и его рука.

Только тогда Янь Уши, наконец, медленно объяснил:

— Нефритовое цистанхе действительно является противоядием. Однако его ветви и листья бесполезны. Единственная часть, способная выводить токсины, — это его плоды. Поскольку обезьяны ели эти плоды в течение многих поколений, они не боятся яда на халцедоне или пауков и, таким образом, могут жить здесь. Поскольку это место когда-то было алтарём, эти обезьяны, возможно, были обучены людьми Жоцяна охранять цистанхе. Вы же видели вожака обезьян? У него уже появилось человеческое лицо. Действительно, это весьма хитроумно.

Эти слова должны были разжечь интерес. К сожалению, довольно методичный тон оратора оставил после себя только скуку. Чэнь Гун был не в настроении слушать о происхождении обезьян. Обычно он пришёл бы в ярость и приказал Мужун Циню схватить этого человека, но так как его жизнь всё ещё была в его руках, у него не было выбора, кроме как проглотить свой гнев:

— Похоже, глава секты Янь собрал все плоды. Я не знаю, чего вы хотите от меня, но я готов сделать всё, что в моих силах. Пожалуйста, дайте мне плоды нефритового цистанхе.

— Ты знаешь, чего я хочу.

Он просто не хотел говорить этого прямо.

Чэнь Гун очень хорошо знал Шэнь Цяо. Он знал, что Шэнь Цяо — человек чести, и его можно очень легко обмануть, поэтому он всегда одерживал верх над ним. Однако он не мог сделать того же с Янь Уши. Последний был известен своей непредсказуемостью и самонадеянностью. Нельзя было использовать здравый смысл, чтобы предсказать, как поведёт себя Янь Уши. На самом деле, Чэнь Гун знал, что даже новость о том, что тот жив, также не может быть использована против него. Напротив, в данный момент Янь Уши обладал нефритовым цистанхе, а значит, и жизнью Чэнь Гуна.

— Как я могу знать, если глава секты Янь не даёт прямого ответа? — Чэнь Гун сделал последнюю попытку.

— Как думаешь, смогу ли я уничтожить плоды до того, как твои собаки бросятся в бой? Если ты

со согласишься рискнуть, я не против попробовать. – холодно ответил Янь Уши.

Как только он это сказал, Мужун Цинь, несмотря на ярость, бушевавшую в его голове, не имел другого выбора, кроме как отказаться от своего первоначального плана броситься на Янь Уши.

Чэнь Гун стиснул зубы.

— Вы хотите то, что внутри меча Тай-э?

Янь Уши ничего не ответил.

Чэнь Гуну ничего не оставалось, кроме как вынуть кусок шёлка из-за пазухи и передать его Янь Уши.

— Где нефритовое цистанхе?

Янь Уши взял кусок шёлка. Затем он достал откуда-то фрукт и бросил его Чэнь Гуну.

Чэнь Гун не смирился со своим поражением. Он спросил:

— Вы уже догадались, зачем я пришел сюда, и поэтому вы намеренно пошли впереди нас, чтобы использовать фрукты для шантажа?

Возможно, потому, что он был в хорошем настроении после получения шёлковой ткани, Янь Уши, наконец, смилостивился и ответил на вопрос Чэнь Гуна:

— Меч Тай-э когда-то принадлежал семье Се из округа Чэнь. Его рукоять пуста, но поскольку металл, из которого он был отлит, очень редок и исключительно твёрд, единственный способ спрятать что-либо внутри его рукояти — сначала вскрыть меч, используя странный камень из древнего города, а затем перековать его. О мече ничего не слышали с тех пор, как он был потерян, пока он снова не появился в столице Тогона.

Чэнь Гун, наконец, почувствовал себя лучше, после того, как съел плод нефритового цистанхе. Токсинам требовалось довольно много времени, чтобы исчезнуть, поэтому он мог отвлечь своё внимание только разговором.

— Поэтому, как только вы увидели, что я держу меч в руках, вы поняли, что кто-то уже открыл и перековал его. И поскольку я отправился прямо в Жоцян в поисках халцедона, вы также могли догадаться, что я искал способ вскрыть меч и вынуть содержимое внутри. Таким образом, вы заранее выбросили все плоды цистанхе и оставили при себе только несколько, ожидая, когда я отравлюсь, чтобы шантажировать меня!

Наконец осознав, что произошло, Чэнь Гун не мог не усмехнуться:

— Даже с учётом того, как сильно вы ранены, расчётливость и интриги главы Янь всё ещё способны одержать над нами верх.

Мужун Сюнь огрызнулся:

— Как подло и бесстыдно с вашей стороны пожинать плоды работы других людей!

Янь Уши мрачно рассмеялся и презрел сражаться с ними.

Мужун Цинь неожиданно покрылся слоем истинной ци и быстро шагнул в сторону, пытаясь сбить Янь Уши с ног. Шэнь Цяо выступил вперёд: он поднял меч и заблокировал атаку Мужун Циня.

После того, как они обменялись несколькими ударами, Мужун Цинь понял, что не имеет преимущества над Шэнь Цяо. Это застало его врасплох.

Менее чем за год слепой человек, который когда-то был слишком слаб, чтобы убить курицу в Заоблачном Монастыре, уже выздоровел до такой степени, что люди не осмеливались смотреть на него свысока.

Как раз в тот момент, когда Шэнь Цяо блокировал атаку, Янь Уши отступил в сторону и скрылся в темноте.

— Он ушёл! - крикнул Мужун Цинь. Следуя за его голосом, все обернулись и посмотрели в том направлении.

Са Куньпэн бросился вперед, чтобы проверить. Конечно же, он не обнаружил никаких признаков присутствия Янь Уши.

— Господи. Похоже, здесь есть какой-то механизм. Я потянул за него, но ничего не произошло! - крикнул он.

— Он, должно быть, управлял им с другой стороны! - сердито сказал Мужун Сюнь.

Прямо за ними был камень с печатью гробницы. Этот тысяchefунтовый камень-великан полностью заблокировал им выход, но даже если бы его можно было снова поднять, лидер обезьян и ядовитые пауки всё ещё поджидали их с другой стороны. Они могли бы попытаться принять бой, но это исчерпает их последние силы. От одной мысли об этих пауках у них по коже бегали мурашки.

Перед ними была скала, а под скалой гроздь кристаллов халцедона. Они были прекрасны, но не могли наполнить желудок. Кроме того, они были чрезвычайно ядовиты. После того, как они наблюдали за отравленным Чэнь Гуном, никто не пожелал бы себе такой участи.

Они оказались в ловушке.

Не в силах сдержать ярость, которая горела в нём, Мужун Цинь крикнул Шэнь Цяо:

— Шэнь Цяо, теперь ты доволен?!

Шэнь Цяо отдыхал с закрытыми глазами и никак не отреагировал на упрёк.

Чэнь Гун тихо сказал:

— Все вы, идите, осмотритесь и проверьте, нет ли другого выхода. Если Янь Уши смог выбраться отсюда, я уверен, что мы тоже сможем это сделать.

Пока Мужун Цинь и двое других людей занимались поиском выхода, Чэнь Гун повернулся к Шэнь Цяо:

— Даочжан Шэнь, при всём уважении, глава секты Янь был осаждён пятью великими мастерами ранее, и был серьёзно ранен. Тебе не следовало брать его с собой, но поскольку я сказал, что в этом месте может быть нефритовое цистанхе, ты решил взять его. Такой доброжелательности достаточно, чтобы растрогать не только друзей, но даже незнакомых людей до слёз. Однако теперь, когда он получил нефритовый цистанхе и мой кусок шёлка, он просто ушёл, и не взял тебя с собой. Даже если ты не чувствуешь обиды, я не могу это так просто оставить.

Шэнь Цяо равнодушно ответил:

— Если я ожидаю платы за доброту, которую делаю, то сколько же ты мне задолжал? И сколько раз тебе нужно мне отплатить? Тогда, в обшарпанном храме, если бы не я, то как бы ты победил тех негодяев? Позже в Заоблачном Монастыре, если бы не я, тебя бы уже убил Мужун Цинь, и ты не смог бы командовать им, как сейчас. Но чем ты мне отплатил? Привёл Му Типо ко мне? Или использовал дедушку Баньны, чтобы пригрозить мне поехать с тобой в Жоцян?

Чэнь Гун не находил слов. Все провоцирующие речи в его голове внезапно затихли.

Шэнь Цяо продолжил:

— Мы с тобой никогда не пойдём одной дорогой, ни в прошлом, ни в будущем.

Сначала Чэнь Гун чувствовал себя немного виноватым, но то, что сказал Шэнь Цяо, разозлило его. Он ответил с насмешливой улыбкой:

— Ты чрезвычайно благороден и добродетелен, но какую пользу это тебе приносит? Всё, что у меня есть сегодня, было получено моими собственными усилиями. В этом нет ничего постыдного. Позволь мне рассказать тебе. Я родился с талантом запоминать всё, что вижу или слышу. Несмотря на то, что я был неграмотен в Заоблачном Монастыре, я смог запомнить всё, что ты сказал, слово в слово. Из всех мастеров по боевым искусствам, присутствовавших в тот вечер, кто бы мог подумать, что я способен на такое? Му Типо жесток и безжалостен. Люди, в которых он души не чаёт, живут не более месяца, и многие из них заканчивают трагически. Тем не менее, я смог заставить его рекомендовать меня Императору Ци с помощью моих собственных способностей, это моя ступенька к большей власти.

Несмотря на то, что Мужун Цинь и другие уже подчинялись Чэнь Гуну, они чувствовали себя несколько неловко, слушая, как Чэнь Гун рассказывает о своем опыте мальчика-игрушки. Однако Чэнь Гун так не считал, и продолжил рассказывать без всякого стеснения:

— Получение благосклонности Императора Ци не является моей конечной целью. Ни один мужчина в мире не желает служить другим своей внешностью, даже если он сам проявляет инициативу в постели. С милостью императора я попросил найти мне учителя, чтобы я мог научиться читать. Я очень хорошо знаю, что люди с таким происхождением, как у меня, никогда не могут быть одобрены аристократическими семьями. Но мне не нужно их одобрение. В этом мире есть только две вещи, которые могут управлять сердцами людей: книга и меч. Поэтому мне нужно было узнать как можно больше слов и прочесть множество книг за самое короткое время, и я это сделал.

— Шэнь Цяо, как ты думаешь, почему Мужун Цинь и другие переметнулись ко мне? Ради славы и богатства? Нет! Никто не рождается, чтобы быть королём. Стране Ци суждено пасть, и они знают, что как только Ци потерпит сокрушительное поражение, все покинут её, как крысы покидают тонущий корабль. Служение Императору не сулит будущего, поэтому они предпочли следовать за мной. По крайней мере, я знаю, каковы мои пределы, в отличие от Императора и большинства дворян.

— А как насчет тебя? Шэнь Цяо, я признаю, что ты действительно благородный, настоящий человек чести. Честно говоря, я очень восхищаюсь тобой, потому что я никогда не смогу быть таким, как ты, воздавать злом за добро без сожалений. Но такой человек, как ты, не сможет выжить в подобном мире. Тебя сожрут заживо, не оставив ни косточки. Только что Янь Уши снова предал тебя, но, в конце концов, у тебя нет другого выбора, кроме как сидеть здесь с «врагом» вроде меня, и ждать смерти. Разве это не смешно?

Шэнь Цяо ничего не ответил. Только после того, как Чэнь Гун замолчал, он, наконец, медленно произнёс:

— Чэнь Гун, с тех пор как я встретил тебя, я могу сказать, что ты отличаешься от других. Ты умен, энергичен, амбициозен и строг как к себе, так и к другим. В такие смутные времена, как сейчас, у тебя есть потенциал стать грозным правителем. Таким образом, именно благодаря

твоим способностям ты можешь подыграть Му Типо, а затем снискать благосклонность Императора Ци через него. Я не буду смотреть на тебя свысока из-за подобных вещей. Причина, по которой ты считаешь мои поступки неоправданными, в том, что твоя совесть ещё не умерла. Ты знаешь, что то, что ты делаешь, неуместно, поэтому ты подсознательно сравниваешь себя со мной и заботаешься о том, что я подумаю о тебе. У каждого свой жизненный путь. Так зачем же ты оглядываешься на других, когда можешь просто идти вперёд?

Чэнь Гун потерял дар речи. Через некоторое время он вдруг громко рассмеялся:

— Правильно! Хорошо сказано! Спасибо тебе за то, что развязал этот узел в моём сознании. Я уверен, что с этого момента смогу достичь большего.

— Тогда поздравляю тебя.

Он снова закрыл глаза. Прислонившись спиной к холодной каменной стене, он позволил себе, как физически, так и мысленно, полностью погрузиться в темноту.

С того момента, как Янь Уши передал его Сан Цзинсину, Шэнь Цяо научился не питать никаких ожиданий. Потому что без ожиданий человек не будет разочарован и не отчаится. Поэтому, когда Янь Уши бросил его и ушёл, он только сначала почувствовал лёгкое удивление, но даже оно вскоре стало обычным и обыденным.

Это был просто Янь Уши. Несмотря на огромную перемену в темпераменте, эгоизм и безразличие, которые были частью его врождённого характера, никогда не изменятся.

Не все усилия будут вознаграждены.

Он уже привык к этому. Как он мог быть разочарован этим?

Мужун Цинь и двое других искали повсюду и постепенно начали чувствовать себя безнадежными. У них были с собой пайки, и мастерам боевых искусств требовалось гораздо меньше еды, чем обычному человеку. Таким образом, этих пайков могло хватить на очень долгое время, но они не могли оставаться здесь вечно. Не говоря уже о том, что это место находилось глубоко под землей. Солнца не было, и воздух тоже был очень застоявшимся. Даже если бы они не умерли от голода, это просто вопрос времени, когда они задохнутся от нехватки кислорода.

В этот момент Са Куньпэн предложил:

— Как насчет того, чтобы поискать у подножия скалы? Может быть, поблизости есть другие выходы.

Чэнь Гун на мгновение задумался и ответил:

— Это разумно, всяко лучше, чем сидеть здесь. Там много халцедона, будьте осторожны и, по возможности, не прикасайтесь к нему.

Са Куньпэн решил пойти первым. Мужун Сюнь, который был еще молод и полон сил, заскучал после столь долгого сидения, поэтому он присоединился к нему.

Все были в той или иной степени поцарапаны обезьянами. Раны зудели и опухли, но в них не было ничего серьезного. Это были только внешние повреждения, и им не было необходимости есть плоды нефритового цистанхе. Сок, выжатый из корней нефритового цистанхе помог облегчить зуд.

После того, как он сказал Мужун Циню спуститься и помочь другим обыскать окрестности, Чэнь Гун спросил Шэнь Цяо:

— Если ты сможешь выбраться отсюда, каковы твои планы?

Шэнь Цяо медленно открыл глаза, и в темноте никто не мог разглядеть замешательство в них.

Судя по скорости Янь Уши и количеству прошедшего времени, он должен был уже выбраться на поверхность. С его способностями, даже если он не мог напрямую противостоять буддийским сектам, он мог быстро связаться с людьми из Хуаньюэ, чтобы не попасть в опасную ситуацию. Другими словами, даже без присутствия Шэнь Цяо Янь Уши мог позаботиться о себе.

Шэнь Цяо вдруг кое-что вспомнил.

— То, чем ты недавно завладел, является одной из оставшихся книг Стратегии Багрового Яна?

— Верно.

— Есть ли что-то особенное в этой части по сравнению с другими фрагментами?

Чэнь Гун на мгновение замолчал. Затем он спросил в ответ:

— Как много ты знаешь о Стратегии Багрового Яна?

— Она состоит в общей сложности из пяти книг, которые объединяют достоинства трёх направлений: конфуцианства, буддизма и даосизма, а также является плодом кропотливого труда всей жизни Тао Хунцзина.

— Ты же читал некоторые части. Что ты об этом думаешь?

— Это самая удивительная книга по боевым искусствам в мире. Я получил от неё большую пользу.

— Похоже, ты знаешь не всё. Это правда, что Стратегия Багрового Яна состоит из пяти книг. Также верно, что она сочетает в себе достоинства трёх учений, но это содержание только четырёх книг. Есть ещё одна книга, которая была утеряна много лет назад. Никто не знал, где она находится, но говорят, что то, что в ней написано, имеет отношение к боевым искусствам демонических сект.

Шэнь Цяо был слегка удивлён. Но, поразмыслив, понял: то, что сказал Чэнь Гун, действительно имело смысл.

Янь Уши много раз пытался сделать истинную ци Стратегии Багрового Яна своей собственной. Он даже экспериментировал с Шэнь Цяо, неоднократно пытаясь раскрыть потенциал последнего. Однако было ясно, что основа его боевых искусств лежала в его Демоническом Ядре и была совершенно несовместима с даосским Ядром Шэнь Цяо. Стратегия Багрового Яна была для него всего лишь куском «куриного ребра» — чем-то, что мало чего стоило, но жаль просто выбросить это.

Если бы в книге были записаны только боевые искусства трёх учений, Янь Уши не сказал бы Шэнь Цяо, что он уже нашёл способ исправить недостаток в своих боевых искусствах. С его мастерством вполне вероятно, что он уже сделал вывод, что один том Стратегии Багрового Яна был спрятан внутри меча Тай-э, и книга была именно той, в которой он нуждался.

После того, как он обдумал всю последовательность событий, Шэнь Цяо медленно выдохнул, на его лице появился слабый след утомлённости. Он вдруг почувствовал легкую усталость.

Но его голос звучал так же спокойно, как и раньше:

— Теперь я понимаю, что Тао Хунцзин действительно был человеком, который глубоко продвинулся и изучил отношения между Человеком и Небесами. Неудивительно, что ученики демонических сект тоже хотят заполучить Стратегию Багрового Яна. Похоже, этот кусок шёлка — именно то, что они ищут. Не потому ли, что ты также практикуешь боевые искусства из демонических сект, ты так стремишься его заполучить? Ты вступил в секту Хэхуань?

— Что за вздор! С моим нынешним социальным статусом, зачем мне вступать в секту Хэхуань, и позволять другим людям командовать собой? Это Хэхуань нуждается во мне, чтобы я обеспечивал им всевозможные удобства, поэтому мы просто сотрудничаем, это приносит пользу нам обоим.

Однако и эти объяснения были бесполезны. Реальность заключалась в том, что они застряли здесь и не могли выбраться.

Мужун Цинь и остальные обошли вокруг ещё раз и вернулись с пустыми руками. Все почувствовали себя немного подавленными. Чэнь Гун тоже замолчал и воспользовался возможностью помедитировать и сохранить свою энергию, а также процитировать содержимое на шёлковой ткани, которое при беглом взгляде успел запомнить.

Он никогда не был тем, кто просто сидел и ждал своей смерти. Даже при таких обстоятельствах он все равно изо всех сил старался создать для себя благоприятную обстановку. Вот почему Чэнь Гун смог превратиться из нищего простолюдина в человека, которым он был, и даже такие люди, как Мужун Цинь, который был лучшим боевым мастером при императорском дворе Ци, был готов служить ему.

Никто не знал, сколько времени прошло, прежде чем за каменной стеной внезапно раздался звук. Группа людей, которые изначально были полны сонливости, все сразу открыли глаза. Один за другим они повернулись туда, откуда доносился шум, и увидели фигуру, появившуюся на том месте, где исчез Янь Уши.

Мужун Сюнь отреагировал первым. Он вскочил и, держа меч в руке, собирался немедленно броситься на человека.

— Янь Уши?!

Каждый слог был произнесён сквозь стиснутые зубы с величайшей ненавистью.

<http://bllate.org/book/14532/1287363>